

г. Киев

На одном из всесоюзных кинофестивалей, куда съехались представители всех братских республик, мне довелось присутствовать при беседе двух известных деятелей советской культуры, одного из которых сегодня уже нет в живых. Имя народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, кинорежиссера Марка Донского тесно связано с Украиной: в 1942 году на Киевской студии он осуществил первую экранизацию романа Н. Островского «Как закалялась сталь», здесь же поставил свою знаменитую «Радугу» по повести Ванды Василевской, обошедшую с грандиозным успехом экраны мира. До последних дней он поддерживал тесные связи с киностудией имени А. Довженко, приезжал сюда не только по торжественным дням, но и в рабочие будни. Помню, как волновался режиссер Николай Машенко, показывая только что отснятый материал своей киноверсии романа Н. Островского — 6-серийной телефильма «Как закалялась сталь» — главному судье и критику Марку Семеновичу Донскому... И как опытный киномастер, со свойственной ему душевной щедростью и темпераментом, хвалил работу младшего товарища по искусству, признавая ее преимущества перед собственной старой лентой.

У Героя Социалистического Труда, народного писателя Киргизии Чингиза Айтматова нет звания народного кинодеятели, но назвать его можно и так. Почти по всем произведениям писателя поставлены фильмы — и фильмы, как правило, незаурядные, значительные по мысли, новаторские по форме. Но дело не только в этом. Сама его личность, его мощный художественный талант, незаурядная духовная сила, страстный гражданский темперамент и дар организатора в большой степени влияли на характер первых шагов киргизского кинематографа, задали уровень творческих задач и масштаб мышления. Дело в том, что киргизский кинематограф — самый молодой у нас в стра-

не. Практически он заявил о себе в последние полтора десятилетия. Но сразу шагнул решительно, размахисто. Пришла популярность у зрителей, признание на всесоюзных и международных кинофестивалях.

Конечно же, чудес не бывает! Для такого стремительного старта нужна соответствующая среда — социальная, общественно-политическая, культурная. Киргизский кинематограф начинал не на пустом месте. Во-первых, художественный уровень был сразу задан лучшими достижениями советского киноискусства. Во-вторых, он с первых же ша-

фильмов. Уровень их низок, рассчитан на самый нетребовательный вкус. Но удалось увидеть несколько работ, которые можно оценить по самому высокому счету — морально-этическому, историческому и эстетическому. Например, фильм режиссера Роберта Альтмана «Нэшвилл».

В городе Нэшвилл, штат Теннесси, идет предвыборная кампания, которую сопровождает, обрамляет большой музыкальный фестиваль. Сталкиваются разные люди, разные интересы, разные мировоззрения... В честь предвыборной кампании одну из самых популярных эстрадных певец

тысячелетия с тех пор, как человек вышел из пещеры. Создавалась эстетика отношений, семья, учились воспитывать детей, учились любить... Вель вам, говорю, предстоит войти в 21-й век! На земле нас не так уж много — всего четыре миллиарда. Кто же будет беречь человеческую культуру?..

Айтматов: — А они, конечно, обвинили вас в буржуазности!

Донской: — Нет, просто начали, в свою очередь, спрашивать меня. И такие, знаете, все личные вопросы, что можно и смутиться. Сколько мне лет? Женат ли? Долго ли

Камертон

«НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ...»

гов получил мощную и предметную поддержку со стороны ведущих мастеров нашего кино.

Во всем этом нет ничего уникального, теоретически не запланированного: в нашем обществе происходит постоянный обмен духовными ценностями, интеграция национальных культур, накоплен опыт братского сотрудничества и т. д. Нельзя запланировать только одну «мелочь»: чтобы у истоков дела оказался человек, для которого весь этот сложный культурный комплекс давно стал насущным содержанием жизни и творчества. У истоков киргизского кино такой человек стоял.

...Из той памятной трехчасовой беседы Марка Донского и Чингиза Айтматова в присутствии корреспондента с Украины мне хочется сегодня предложить читателям «Комсомольского знамени» ту ее часть, которая касалась современного кинематографа и его влияния на молодежь.

Айтматов: — Несколько лет назад был я в США, наглядился тамошних коммерческих

застреливают. Секундное замешательство толпы — и вот уже вся эта разнокалиберная публика вновь оживляется, празднично возбуждается, подхлестывая себя и ободряя коллективным пеннем — что-то вроде того, что, мол, все прекрасно, ничего не случилось, будем продолжать жить и веселиться... Поражает отрешенность и обреченность этой толпы. Художник уловил самую суть процесса нравственной деградации, обличения человека в современном буржуазном обществе.

Донской: — Слушая вас, я вспомнил одну памятную мне дискуссии в Англии, куда ездил получать академическую премию за фильмы «Сердце матери» и «Верность матери». Пригласили на встречу с «сердитыми» молодыми людьми, как их тогда называли. Вышел я на сцену, гляжу в зал: сидят какие-то космачи — волосы до плеч, бороды, как у старцев, даже запах какой-то особый почувдился. Я к ним: почему, говорю, вы такие заросшие? Почему от вас дурно пахнет? Вель прошли

ухаживал за будущей женой? Когда в первый раз ее поцеловал? Через сколько времени после официальной женитьбы родился ребенок? Я честно отвечаю. А потом пошли другие вопросы: каким оружием воевал первобытный человек? Когда изобрели порох? Когда появилась пулемет? Как называлась большая пушка, стрелявшая по Парижу? Когда начали сбрасывать бомбы с самолета? Во сколько раз сила водородной бомбы разрушительнее по сравнению с той атомной, что была сброшена на Хиросиму?

И когда я ответил, встал один из них, видно, вожак, и начал громко выкрикивать в зал: — Джими! — Я! — Сколько тебе лет? — Семнадцать! — Джон, сколько тебе? — Восемнадцать!.. — Шестнадцать!.. — Девятнадцать!.. — отвечают из зала. И тогда главный хиппи обернулся ко мне и сказал: «Мы молоды. Но у нас мало времени. Вы Чехова знаете? Он однажды написал: если есть ружье, оно должно выстрелить... Если человечество изобрело атомную бомбу, она должна взорваться. У нас нет времени ухаживать за женщинами. Нет времени ходить на работу, даже чистить зубы. Нам некогда жить. Поэтому мы торопимся».

И я подумал: что, может, этим молодым людям предложить буржуазное искусство? Прогрессивным деятелям кино приходится там туго — их творчество забывает коммерческий кинематограф. Скажем, на Международный фестиваль в Каннах, где я был членом жюри, привезли около двухсот картин «ужасов» и откровенно порнографических лент. В одном фильме, помню, совершалось 56 убийств... Чему такие ленты учат молодежь? И какие могут вызвать настроения?

Айтматов: — Ничто в мире не возникает случайно, ни хорошее, ни плохое. Все имеет причинную связь. Бунт молодежи на Западе тоже имеет глубокие корни. Я видел хиппи в Амстердаме. В составе парламентской делегации мы познакомились с городом. И вдруг я увидел странную, текучую толпу у входа в церковь. Оказалось, эту заброшенную святую обитель в центре города заняли хиппи — то ли с позволения городских властей, то ли ни у кого не спрашиваясь, — и превратили ее в свой клуб. Я попросил у спутников позволения поинтересоваться. Мне, как писателю, объясняя, интересно самому разобраться в этом явлении. Внутри церкви — музыка, и они, эти странные молодые люди, танцуют... Знаете, через несколько секунд стало страшно — таким чужим я себя там почувствовал. Они не только обличьем, нарядом — даже выражением глаз — отличались и от покинутой мной компании, и от меня самого... Хиппи реагировали на меня тоже с недоумением: что, мол, «фрачному» господину тут надо?..

Эти молодые люди не случайно протестовали. Они в чем-то были правы, потому что нашли много отталкивающего, отрицательного в буржуазном «миропорядке». В

течение всей своей истории буржуазное общество создало немало рутинных, догматических, и в новых условиях абсолютно безжизненных форм существования. Молодые не верят старшим, потому что те погрязли в лицемерии и официальной лжи, слова у них слишком расходятся с делом. Конечно, у этих юных бунтарей не было положительной программы, и весь их протест хот и трогателен, но беспомощен и ребячлив. Как-то в Делли на улице попалась навстречу девушка. Белье босые ноги, нежное лицо, знававшее косметический уход. Завернувшись она в мешковину, виднеется драная кофта. «Господин, — протягивает руку ко мне, — мне нечего есть, дайте денег». Я растерялся, начал торопливо шарить по карманам и дал ей несколько рупий из скудных моих командировочных. Она улыбнулась, не поблагодарив, отбежала к молодым людям, стоявшим в сторонке. Они купили орехов, и, не обращая на меня ровно никакого внимания, принялись весело их грызть. Я очень ясно себе представил: родилась эта девушка где-нибудь в США, в уважаемой буржуазной семье, вошла с ней в конфликт и сбегала в Индию в поисках смысла жизни. Здесь жаркий климат, можно кое-как перебиваться с хлеба на орехи — буддизм призывает к смирению и простым формам жизни... Интересно, какие фильмы смотрят такие ребята? И смотрят ли вообще? Думаю, что наши картины вряд ли для них интересны. У нас разное душевное устройство, разное миропонимание. Им многое будет чуждо и даже просто непонятно. А впрочем, может, они и нашли бы себе кое-что полезное в наших фильмах, какие-то ответы на вопросы... Но, конечно, — в лучших советских фильмах, потому что, к сожалению, и у нас хватает весьма посредственной кинопродукции.

Донской: — А меня знаете что возмущает? Некоторые наши молодые режиссеры, которые не умея найти художественного эквивалента всему тому прекрасному, что есть в советской действительности, оглядываются на западный кинематограф...

Айтматов: — Но на какой западный? На плохой? Или на хороший?

Донской: — Я имею в виду вот что. Наворует такой режиссер без разбору у всех понемножку — это у Феллини, это у Бергмана, это у Антониони, — не согласуясь прежде всего с тем, что пользуются они совсем другим жизненным материалом, что их художественная система выработалась на совсем другой почве. А потом еще и рекламировать примет свою продукцию «на западный манер» — и на спичечных этикетках реклама его фильма, и на календарях, и чуть ли не на каждом заборе. У одного такого молодого «гения» я спросил: зачем вы это делаете? А он мне этак снисходительно: в наши дни, Марк Семенович, иначе нельзя... В наши дни... Кто же и как его воспитывал, где?

Айтматов: — А он поездил по миру, поглядел... И добро, если он увидел только «Нэшвилл» или, скажем, «Благослови детей и зверей». Нет, такие другие усваивают, другое черпывают.

Донской: — В советском обществе есть гордое и драгоценное звание — слуга народа. Но у нас попадают люди, которые на свой лад понимают слово «служение». Ежели представитель этого живучего племени снимает, например, фильм о селе, то прически у его колхозниц — во! с колокольню! грудь — во! декольте — ого-го! Так и слышишь голос автора: посмотрите, мол, каким я вижу современное село, какая здесь культура, как все у нас хорошо, ничего плохого нет и быть не может... Я таких бодрячков по походке узнавал еще на экзаменах во ВГИКе. Отличник входит в комнату робко, краснеет и смущается, говорит тихо, а то и вовсе заикается. Зато троечник идет к столу бодрым деловым шагом, голос его напоист и уверен...

Айтматов: — А он уловил одну важную штуку из области,

именуемой «социальная психология»...

Донской: — Да, да, такая манера поведения распространяется у подобных типов на все. Они знают, какой ногой какую дверь открыть...

Айтматов: — ...позже обесценивают себе категории, рекламе. И посредством, а то и откровенно плохая продукция этих ремесленников, дельцов от искусства, захлестывает экран.

Донской: — Вот с чем надо всерьез бороться! Я хотел бы снять фильм на эту тему. Подобные явления в нашей жизни сильно стопорят движение вперед. А зритель вырос, зритель грамотен и образован. Мы попадаем в самые отдаленные районы страны и имеем полную возможность вести серьезные беседы об искусстве... На любую, так сказать, интеллектуальную тему. Вот в вашей республике, например, есть неграмотные?

Айтматов: — Относительно: ежли, скажем, окончил всего семь классов... Теперь подай не просто образование, а что оно было качественное. Это величайшее достижение нашего общества, но оно порождает свои проблемы, и очень серьезные, ибо всеобщая грамотность — еще не признак культуры: ее уровень определяется, в первую очередь, уровнем нравственного развития личности. Меня волнует, например, такая проблема. Когда народ был безграмотен, его внутренний мир формировался под влиянием религии и вековой традиции, уходящей корнями в эпическую культуру данного народа. Много в этом влиянии было консервативного, а то и попросту вредного, но была заложена в основу и добрые, глубоко человеческие начала. Я тоскую по людям, которые ушли, например, по моему деду и бабушке. Они не были образованы, не знали электричества, но были по-человечески интересны, обладали высокой культурой души — что-то ухватили от эпического начала народа... И я не могу рядом с ними поставить много сегодняшнего молодого человека, который и образован, и книги читает, и телевизор смотрит, да при этом недобр, а то и жесток, равнодушен и эгоистичен. Куда же просочилась культура, к которой его приобщали? Не у Толстого же или Шолохова набрался моральной глухоты? А он их меньше всего читает, потому что предпочитает то, что легкодоступно, что не требует собственных внутренних усилий, напряжения мысли или эмоций. Привыкнув к такому искусству, и в дальнейшем ждет от него только бездумности, дешевой увлекательности. Все остальное его раздражает и отталкивает своей «сложностью». У такого молодого человека душа перестает трудиться, и какие-то важные жизненные центры отмирают.

Донской: — Я вам возражу: во все времена существовало различие между людьми в нравственном отношении. Такие, как ваш дед, наверняка не составляли большинства среди своего окружения. То же и сейчас. Но заметьте, как выросло число людей, развитых не только интеллектуально и эстетически, но и нравственно.

Айтматов: — Именно потому, что оно выросло, на нас, художников, и ложится серьезная ответственность. Мы просто обязаны повысить требовательность к себе, к своему искусству. Нам, кинематографистам, надо у всех учиться — и прежде всего у лучшего своего зрителя, серьезного, мыслящего, не признающего откровенной дидактики, прямолинейных нравов, не приемлющего обкатанных идей и образов, уплощенных персонажей — стереотипов вместо живых людей.

У нас есть прекрасные традиции народной культуры, которые в обстановке сближения народов нашей страны, взаимного духовного обогащения обретают новый смысл и новое качество. Я не буду перечислять все, что у нас есть, чтобы объяснить решительный бой так называемому «среднему» фильму, уродующему вкус и сознание людей. Время наше требует от человека полноты внутренней жизни, высокого напряжения мысли и чувства.

Записала Л. ЛЕМЕШЕВА.